

ЛІТАРАТУРА

1. *Лезметс Х. Д.* Компаративность и метафоричность в языках разных систем // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 92.
2. *Черкасова Е. Т.* О метафорическом употреблении слов (по материалам произведений Л. Леонова и М. Шолохова) // Исследования по языку советских писателей. М., 1959. С. 9.
3. *Арутюнова Н. Д.* Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 296.
4. *Буйницкая Т. А.* Языково-стилистические средства юмора и сатиры в публицистике Эгона Эрвина Киша: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Львов, 1967. С. 16-17.
5. *Кавалёва М. Ц.* Метафарызацыя // Беларуская мова: Энцыкл. Мн., 1994. С. 344.
6. *Черкасова Е.Т.* Опыт лингвистической интерпретации тропов // Вопросы языкознания, 1968, № 2. С. 35.
7. *Федоров А. И.* Образная речь. Новосибирск, 1985. С. 62.
8. *Мурзина М. Н.* Языковые средства комического в рассказах А. П. Чехова // Уч. зап. Красноярского гос. пед. ин-та. Красноярск, 1963. С. 161.
9. *Рядченко Н. Г., Шевчук Л. В.* Юмористическая метафора в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» // Язык и стиль произведений И. Э. Бабеля, Ю. К. Олеши, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова. Киев, 1991. С. 140.
10. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972. С. 339.
11. *Старычонак В. Дз.* Полісемія ў беларускай мове (на матэрыяле субстантываў). Мн., 1997. С. 30.
12. *Корольков В. И.* Семасиологическая структура метафоры // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та иностр. яз. им. Мориса Тореза, 1968. Т. 41. С. 56.
13. *Вакуров В. Н.* Речевые средства юмора и сатиры в советском фельетоне. 2-е изд. М., 1969. С. 41.

S U M M A R Y

The article deals with the most important semantic types of verbal metaphors as an active expression mean of a comical effect in Byelorussian dramaturgy.

Поступила в редакцию 4.04.2001

УДК 808.26-313.1

И.М. Петрачкова

Мир имен в художественной прозе В.П. Астафьева

Имена и названия являются неотъемлемым элементом текста художественных произведений, слагаемыми стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. Изучением круга вопросов, связанных с выбором, употреблением, смысловой нагрузкой художественных текстов, занимается наука, стоящая на стыке лингвистики и литературоведения, называемая поэтической ономастикой.

Часто ли мы обращаем внимание на значение и форму имен героев произведения? В большинстве случаев читатель лишь принимает наименование персонажей и другие имена собственные как должное, не вникая в суть они-

мов. Между тем собственное имя может играть заметную литературно-эстетическую роль в текстах художественных произведений.

Лучший способ убедить кого-то в значимости того или иного факта – это ссылки на авторитетные высказывания.

О возможностях и роли литературной ономастики писал, например, Эмиль Золя, утверждавший, что «имя становится в наших глазах как бы душой персонажа», что как раз в имени «нередко даже в сочетании слогов мы видим характер человека» [1]. Другой мастер, исключительно чуткий к слову, Г. Флобер, по свидетельству того же Золя, также придавал важное значение собственным именам в творчестве писателя: «Когда нет имени – нет и романа» [1]. Интересно высказывание по данной проблеме Юрия Тынянова: «В художественном произведении нет неговорящих имен... Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» [2]. Воздал должное имени собственному в литературном произведении и критик В.Г. Белинский, отметивший, что «в самом имени, которое истинный поэт дает своему герою, есть разумная необходимость, может быть, невидимая и самим поэтом» [3].

Авторитет классиков обуславливает обращение к собственным примерам, иллюстрирующим, на наш взгляд, большие возможности имени собственного для раскрытия сущности персонажа и создания художественного образа в целом.

Предметом для наблюдения в данном случае является ономастикон ряда произведений Виктора Петровича Астафьева, в частности тех, которые включены в курс школьной программы: повести «Кража» и романа «Печальный детектив». Представляя наши ономастические наблюдения, мы надеемся, что читатели В.П. Астафьева (а это не только учителя, но и школьники, студенты) смогут глубже проникнуть в художественный мир прозы писателя, отчетливее осознать авторскую концепцию произведений, авторский замысел, авторское видение действующих героев.

Главное собственное имя любого художественного произведения – это его название. Заглавие и художественный текст соотносятся между собой как часть и целое. «Даже при кажущемся несоответствии заглавия и текста пересечение компонентов их значения присутствует. Семы, формирующие семантику заглавия, обязательно актуализируются в тексте» [4].

Актуализация семантики названия в тексте происходит по-разному: в зависимости от авторского замысла, мастерства писателя. С этим связаны и типы заглавий.

К предметно-описательному типу относится, по нашему мнению, название романа «*Печальный детектив*», правда, понимать данный заголовок можно по-разному. Если принять во внимание, что основным героем произведения является бывший оперативник Леонид Викентьевич Сошнин, то слово *детектив* в названии будет указывать на специалиста по расследованию уголовных преступлений, а прилагательное *печальный* даст качественную оценку состояния этого человека. С другой стороны, содержание романа пронизано целым рядом детективных историй из жизни бывшего милиционера Сошнина. Учитывая это обстоятельство, заголовок можно понимать как указание на определенный вид литературного произведения, изображающего раскрытие тех или иных преступлений, с которыми приходится сталкиваться главному герою. Вся жизнь Сошнина представляет собой не что иное, как печальный детектив.

Бывает и так, что названия произведений (того же В.П. Астафьева, в частности) подчеркивают идею произведения. К таким заглавиям относятся, например, названия-метафоры. Метафоры всегда ассоциативны, поэтому они

могут служить указателем не только на предмет, но и подчеркивать основную мысль, оттенять идею произведения.

Так, метафорическим следует признать заголовок повести В.П. Астафьева «Кража» Детдомовцы украли из банной кассы деньги. Вокруг этого события и разворачивается сюжетная линия. На первый взгляд, «Кража» – предметно-описательное название. Но при чтении повести этот заголовок начинает восприниматься как символ украденного детства у ребят с исковерканной судьбой, которые по воле различных обстоятельств лишились семьи, родителей и оказались в приюте.

Несмотря на то, что у современных авторов, в отличие от писателей XVIII–XIX веков, отмечается тенденция отхода от использования прямоговорящих имен героев, т.е. характеризующих персонаж в целом, литературные онимы, употребляемые В.П. Астафьевым, обладают достаточно высокой степенью семантической выразительности. Это если не прямоговорящие имена, то, во всяком случае, имена значимые. Значимость их раскрывается в соответствующих контекстах произведения. Назовем такие онимы (по аналогии с прямоговорящими) скрытоговорящими именами.

Немало антропонимов этого типа мы встречаем в повести «Кража» и романе «Печальный детектив». Заметим, что сам В.П. Астафьев, как правило, поясняет суть имен и прозвищ своих героев в авторском тексте или вкладывает это пояснение в уста самого персонажа.

В указанных текстах больше всего антропонимов, отражающих внешние черты персонажей. Например, герой «Кражи» *Гошка Воробьев (Воробей)* – «тонкошейей мальчишка» [5], похожий на воробья.

Мишку Бельмастого прозвали так за то, что у него поврежден один глаз («У меня вон бельмо, – глухо, как бы самому себе сказал Мишка») [5, с. 28].

Еще один герой повести — *Паралитик*, «человек без имени, без фамилии. Он не знает, когда и где умерли родители. Не помнит. Его избили за украденную краюху хлеба так, что отнялась у парнишки левая нога и левая рука. Осталось полчеловека» [5, с. 9]. Этот мальчишка с тяжелой судьбой имел еще несколько прозвищ, отражающих слабое состояние здоровья и неважный вид, в частности, *Слабобрющенко, Выкидыш*.

На глазах Малышка по кличке *Косоротик* «отец зарубил мать, и с тех пор лицо ребенка искривило припадочной судорогой и поселилась на нем вечная улыбка» [5, с. 8].

Одного детдомовца в «Краже» прозвали *Глобусом* за то, что, как объясняет автор, «башка у него круглая, большая, ума в такую башку много вмещается». И далее: «Поначалу Глобуса в детдоме все, проходя, щелкали по голове. Гулко отзывалась голова на щелчок, а Глобус ходил по детдому шараясь» [5, с. 213]. Однако это прозвище также подчеркивает личностные качества героя, в частности, его умственные способности. В.П. Астафьев называет его «мозговитым» парнишкой, а ребята с восхищением думают о герое так: «Глобус – это Глобус! Один раз, говорят, он решил такую задачу, какую сам Изжога решить не мог» [5, с. 213].

В романе «Печальный детектив» встречаемся с *Пашей Силаковой*, «мужичкого телосложения девахой с неприятным, рубленным, но румяным и здоровым лицом, на которое спадали коротко стриженные волосы толщины и цвета ржаной соломы» [6]. Астафьев замечает: «Бог ей и фамилию определил в соответствии с материей — Силакова», т.к. героиня обладает могучим телосложением и огромной физической силой.

Вечно пьяная женщина по прозвищу *Урна* («Печальный детектив») получила прозвище «за беззубый, черный и грязный рот» [6, с. 10].

Ряд персонажей именованы так или иначе в зависимости от личностных свойств, качеств и манеры поведения. Так, в фамилии бывшей заведующей детского дома, а ныне инспектора горно, *Ненилы Романовны Хлобыст* («Кража») в концентрированном виде выразилось отношение героини к детскому. Данная номинация звучит как резкий, выразительный удар по всему тому, что не укладывается в рамки понятия «мэтод». Инспектор горно может действовать только строго по инструкциям и предписаниям, совершенно не понимая того, что перед ней живые люди со своими непростыми судьбами, которые нуждаются более в любви и душевной теплоте, нежели в выработанных методических догматах.

Заведующей домом ребенка из романа «Печальный детектив», которая всегда печется о благе своих воспитанников, В.П. Астафьев подбирает и соответствующую фамилию – *Горячева Алевтина Ивановна*.

Интересен в романе образ «местного культурного светила» *Октябрины Перфильевны Сыроквасовой*, которая, «двигая вперед и дальше местную литературу», считала, что «в Вейске ей по интеллекту равных не было» [6, с. 5]. Дисгармоничное, на первый взгляд, сочетание чисто советского, «передового» русского имени *Октябрина* (в честь Октябрьской революции) с несколько устаревшим отчеством *Перфильевна*, тем не менее вполне приемлемо (по замыслу автора), так как русское имя *Перфилий* является вариантом антропонима *Порфирий (Перфирий)*, который в греческом языке имеет семантику «багряный, пурпурный, одетый в пурпур» [7]. Таким образом, имя и отчество соответствуют друг другу. Кроме того, данное отчество, как нам представляется, подчеркивает ироничное отношение автора к своему персонажу. Фамилия же *Сыроквасова* отражает те чувства, которые ее носительница вызывает у начинающего писателя Сошнина. И эти чувства сродни тем, которые возникают у человека, отведавшего кислого, неприятного на вкус кваса.

В творчестве писателя можно выделить и группу антропонимов, которые указывают на род занятия, профессию персонажа или производимые им действия. Например, Паралитик из «Кражи» имеет фамилию – *Куроцулов*, причем сам герой объясняет ее так: «Кур я мотанул как-то у дяди одного» [5, с. 211].

В «Печальном детективе» опытный хирург *Гришуха Перетягин* заново «латал» людей, словно перетягивал новой материей старый диван. *Лавря Казков*, в народе *Лавря-казак*, — «старый гвардеец из корпуса генерала Белова» [6, с. 11], а ныне коновозчик пивзавода. Бабка *Тутышиха* получила свое прозвище за то, что нянчила соседских ребятишек, неизменно приговаривая: «А-ту-ты-ту-ты-ты, а-ту-ты-ту-ты-ты-ты...». Теща Сошнина, *Евстолия Сергеевна Чащина*, или *Чашиха*, «воистину знала все про всех». По замечанию автора, «прожила она довольно бурную молодость», была революционеркой-активисткой, «ее все время держали на должностях, где можно и нужно много говорить, учить, советовать, бороться, но ничего при этом не делать» [6, с. 59]. Отсюда и семантика ее фамилии: много, суетливо, торопливо говорить что-нибудь, порой чаще, чем следует.

В некоторых случаях, В.П. Астафьев, давая имя герою, использует звуковую связь онима с наименованием того или иного растения. Так, бывший курсник и напарник Сошнина по работе *Федя Лебеда* из романа «Печальный детектив» «жил справедливо» и ни разу не был «не то что не ранен, но даже не поцарапан». Старший лейтенант Лебеда живет и работает по принципу: «Нас не трогай, мы не тронем». Однажды он подставил под бандитскую пулю безоружного новичка, своего напарника, и, как утверждает старый оперативник Сошнин, «он бы, попади на фронт, не одного бы молодого парня подставил под пули вместо себя» [6, с. 34]. Фамилия *Лебеда* произошла от нарицательного слова *лебеда*, обозначающего название травянистого растения, за-

соряющего посева. Очевидно, герой романа Федя Лебеда, живя по своим личным нравственным принципам, лишь «засоряет» ряды работников милиции.

Несмотря на многообразие семантически значимых персонажей, в художественной прозе В.П. Астафьева значительное место отведено антропонимам, выполняющим косвеннохарактеристическую функцию. Это имена со смутно ощущаемой производящей основой, значение которой можно установить интеллектуальным, рассудочно-логическим путем. В повести «Кража» к числу таких имен относится антропоним *Леша Деменков*. В детдоме этот мальчишка считается главным среди ребят, все его боятся, хотя никто ни разу не видел, чтобы Леша кого-то избил. Толкование фамилии этого героя двойственно: во-первых, она происходит от народно-разговорной формы имени *Дементий* (Деменок) в переводе с латинского *Domitius* означает «укрощать» [7, с. 455]. И, действительно, Леша Деменков укротил всех детдомовских мальчишек, подчинил их себе. В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера есть следующее пояснение отантропонимического производного от имени *Дёма (Дементий)* дёма «плут, обманщик», возможно, отрицательному значению способствовало созвучие со словом «демон», ср. демешка «сатана, демон» [8]. Это толкование в определенной степени подтверждается и контекстом произведения. Описывая внешний вид персонажа, автор стремится подчеркнуто передать его сходство с демоном: «Это Деменков. Вот он сидит на кровати, угрюмый, замкнутый. «Леша» – выколоно по темным ветвистым жилам его тяжелой руки. Взгляд его тоже глыбисто тяжел. Глаза – сплошные зрачки, на лоб клином спускается ежик волос, и оттого лоб кажется узким, как у пещерного человека. Черный клин волос почти заходит в сросшееся мужицкое межбровье» [5, с. 34].

Косвеннохарактеристическую экспрессию включает в себе фамилия *Мазов* («Кража»). Это типично «плебейская», крестьянская фамилия (от глагола «мазать», который в разговорной народной речи употребляется в значении «грязнить, пачкать»). Тем не менее многодетную семью Мазовых в тридцатые годы признали кулацкой и сослали в Заполярье. Использование социально значимой фамилии раскрывает несправедливую сущность государственной политики, проводимой в 30-е годы, по отношению к крестьянству.

«Значимой» является и фамилия заведующего детдома Валериана Ивановича *Репнина*, бывшего белого офицера, человека дворянского происхождения. Через фамилию писатель пытается подчеркнуть подлинную простоту, неприхотливость, близость и любовь к детям, народу этого героя, несмотря на его прошлое: *Репнин* (от русского слова *репня*, что значит «каша из репы», «брюквенная каша») [9]. Такая семантическая нагрузка фамилии лишь подтверждает вышеназванные личностные качества персонажа «Кражи».

Командант города Краесветска, комиссар имеет фамилию *Ступинский* («Кража»). Этот человек, став хозяином города, постоянно находится в движении, решая те или иные важные деловые вопросы. Писатель отмечает эту деловитость, подвижность, стремление Ступинского шагать, «ступать», идти вперед, взбираясь по ступеням, таюке и внешним обликом команданта:

«Тревожные мысли метались в этих глазах. И весь был словно бы на постоянном взводе: чудилось, вот-вот сейчас, сию минуту готов он вскочить, побежать куда-то, чтобы сделать очень неотложные дела» [5, с. 48].

В романе «Печальный детектив» косвеннохарактеристической фамилией обладает бывший оперативник *Леонид Викентьевич Сошнин* Трактовать ее можно по-разному, например, как производное от слова *соха*, имевшего первоначально значение «подпорка, развилка, подпирающий ограду» [8, т. III, с. 729]. Милиционер Сошнин, на самом деле, опора и поддержка для многих окружающих его людей: соседей, знакомых, родных и близких. Он так или иначе уча-

ствует в их судьбе, когда те оказываются в экстремальных ситуациях (ловит насильников тети Грани и отправляет их за решетку, защищает деревенских доярок от обезумевшего вымогателя и пьяницы Веньки Фомина и т.д.).

Данный оним (Сошнин), кроме всего прочего, можно соотносить и с современным значением слов *соха* – «орудие для вспашки земли» [10] и *сошник* – «острый наконечник, подрезающий пласт земли, проводящий в почве бороздки» [10, с. 753]. Сошнин «бороздит» жизнь, как соха, сошник, не остается равнодушным к тому, что происходит вокруг. Оставив работу оперативника из-за многочисленных травм, он по-прежнему не отказывается в помощи слабым и беззащитным, а также находит свое место в жизни и становится писателем, с трудом преодолевая бюрократизм и высокомерие работников издательств.

Как видим, Виктор Петрович Астафьев в своих произведениях уделяет огромное внимание выбору заголовков и антропонимов для называния персонажей, учитывает многообразнейшие способы характеристического использования собственных имен. Большинство онимов, фигурирующих в его литературном творчестве, относится к группе художественно активных. Вопреки действующей в современной реалистической литературе тенденции отказываться от использования «говорящих» имен, в произведениях В.П. Астафьева, включенных в курс школьной программы, именно они и составляют значительную часть всего ономастикона. Писатель, не отрицая опыт своих предшественников, писателей-классиков, умело включает в канву своих творений скрытоговорящие и косвеннохарактеристические имена, зачастую намеренно подчеркивая их особую выразительность и значимость для всего произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Письмо Э. Золя де Сиону от 29 января 1882 г.* // Литературная учеба, 1940, № 8-9. С. 28.
2. *Тынянов Ю.Н.* Архаисты и новаторы. М., 1929. С. 27.
3. *Белинский В.Г.* Избранные сочинения, ОГИЗ М., 1948. С. 122.
4. *Горбань В.В., Иванова Е.Б.* Семантика заглавия и текста (на материале произведений А.П. Гайдара) // Теоретична та історична ономастика. Літературна ономастика. Шоста республіканська ономастична конференція / Одеса, 1990. С.111-112.
5. *Астафьев В.П.* Кража: Повести и рассказы. Мн., 1995. С. 16.
6. *Астафьев В.П.* Печальный детектив: Роман, рассказы, новеллы, очерк. Л., 1989. С. 45.
7. *Справочник личных имен народов РСФСР* / Под ред. *А.В. Суперанской, Ю.М. Гусева.* 3-е изд., испр. М., 1987. С. 508.
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и доп. *О.Н. Трубачева.* М., 1964. Том I. С. 497.
9. *Убенгаун Б.О.* Русские фамилии. М., 1989. С. 154, 306.
10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т русск. яз. имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 1998. С.752.

S U M M A R Y

The subject of the paper is onomapoetics, a new branch of science that came into being in the 60-es of the XXth century. The author examines onyms taken from the literary works of the Russian writer V.P. Astafiev.

Поступила в редакцию 19.03.2001